

Скала была голой, с острыми, как лезвие ножа, гранями камней. Вокруг — пустота, даже травинки не сыскать. И вот на этом пустынном утесе косо росло персиковое дерево, на ветке которого упрямо цвел единственный розовый цветок. Его нежные лепестки расправились и слегка покачивались на ветру.

Внезапно этот одинокий цветок дрогнул. Края лепестков озарились серебристым сиянием, цветок отделился от ветки и начал медленно опускаться. Коснувшись земли, он внезапно рассыпался искрами, словно стайка светлячков.

На месте цветка появился мужчина в белоснежных одеждах с широкими рукавами. Его розовые волосы водопадом ниспадали до пояса, брови были холодными, словно припорошенными снегом, зато уголки глаз алели нежным цветом персикового цвета, а губы казались сочными и яркими. В его облике странным образом переплелись ледяная чистота и порочная притягательность.

Он опустил взгляд, и его ресницы отбросили на щеки тени, похожие на крылья бабочки. У него появилось тело! После десяти с лишним лет тяжких усилий он наконец обрел человеческий облик.

Не стоит обманываться его прекрасной внешностью: его упорство заключалось лишь в высасывании духовной энергии из всего живого в радиусе десятков ли. Именно поэтому окрестные леса и превратились в безжизненную пустыню. Обретя разум, первой мыслью цветка было желание навсегда остаться на ветке, не прилагая никаких усилий. Усердные тренировки казались ему невыносимыми, и, волею случая открыв для себя способ поглощать энергию окружающих растений и животных, он без колебаний выбрал легкий путь.

Цветок, выросший в пустоши, знал немного, к тому же был ленив и избалован. Поэтому он отправился играть с водой. Для растения вода обладала фатальной притягательностью, особенно для того, кто редко дожидался дождя.

Он сидел на берегу реки, болтая в воде белыми стройными ногами. Вода была неглубокой, едва скрывала икры. Он слегка ударял кончиками пальцев по поверхности, поднимая брызги, и звонко смеялся, наслаждаясь игрой. Солнце просвечивало сквозь его кожу, делая её почти прозрачной. Когда мимо проплывали рыбки и задевали его лодыжки, он пинком отшвыривал их прочь и хохотал, глядя, как они неуклюже барахтаются.

Внезапно с небес опустилось золотистое облако, и из него вышла фигура. Взмах широких рукавов поднял ветер, распугав рыбу. Пришелец стоял, заложив руки за спину. Его белоснежное одеяние было украшено серебряной вышивкой в виде плывущих облаков, черные волосы собраны в пучок нефритовой заколкой, а на лбу алела точка, словно капля киновари. Его черты лица были жесткими и холодными, как тесаный камень.

Он замер в трех шагах от берега, его нефритовая подвеска на поясе тихонько звенела. Цветок даже не поднял головы, лишь глубже погрузил ноги в воду.

— Ты, маленький демон, ведешь себя крайне дерзко, — произнес пришелец.

Цветок промолчал.

— Знаешь ли ты, кто я?

— Ты такой шумный. Заткнись и проваливай.

— Я — верховный бог Цинмо с небес. Еще никто не смел говорить со мной подобным образом, — усмехнулся Цинмо.

— Мне плевать, — цветок с безразличием продолжал болтать ногами.

— Ради обретения этого облика ты погубил всё живое в округе. Неужели это тебя совсем не волнует? — допрашивал Цинмо.

Цветок не придавал этому никакого значения, продолжая играть:

— Эти твари слишком глупы, даже не умеют развивать разум. Меня никто не учил, откуда мне было знать, что так нельзя? К тому же, в округе я один такой умный. Им лучше было отдать свою энергию мне, чем тратить её впустую.

— Чжо Хуа, — произнес Цинмо.

Цветок не понял, к чему это, и даже решил, что этот самопровозглашенный бог не в своем уме. Цинмо поднял руку, и из-под его рукава вырвались золотые заклинания, обвив талию цветка, словно живой дракон. В золотом сиянии фигура Чжо Хуа начала уменьшаться, пока он вновь не превратился в алый персиковый цветок, замерший на ладони Цинмо.

Лепестки слегка дрожали, словно протестуя, но не могли вырваться из плена магии.

— Персик цветет, ярко и пышно. Чжо Хуа — твое имя. С этого дня ты мой маленький питомец.

Цинмо, держа на ладони Чжо Хуа в его истинном обличье, взмыл на облаке в девять небес.

В глубине небесных чертогов, в его обители — дворце Циюнь — белели яшмовые ступени, а под крышами звенели золотые колокольчики. Двери были распахнуты, внутри царило изящество: на столе стояла фарфоровая чаша для кистей, в бронзовой курильнице тлел сандал, а на коралловой подставке висели жемчужины слез русалок.

Цинмо опустил цветок в яшмовую вазу. Вода в ней тут же окрасилась в розовый цвет, лепестки

немного расправились, но всё еще поникли, словно в обиде. Цинмо взмахнул рукавом, вливая в вазу каплю духовной силы, и цветок слегка ожил.

Два месяца спустя.

Чжо Хуа еще не успел освоиться, как Цинмо бросили в темницу за попытку свергнуть Небесного Императора. Вскоре и Чжо Хуа схватили небесные стражи. Один из них толкнул его и усмехнулся:

— А ведь этот демон-цветок, которого вырастил предатель Цинмо, выглядит весьма соблазнительно.

Чжо Хуа злобно зыркнул на него в ответ. Он-то мечтал жить в роскоши вместе с Цинмо, а теперь всё обернулось сплошной головной болью. Он огляделся: бывшие лестницы превратились в обломки яшмы, боевые знамена были воткнуты в руины, пропитанные темной кровью. Из-под обломков дворца Дунхуа всё еще тянулся дымок, а на обугленных колоннах с драконами полоскались лохмотья парчи.

Он, пошатываясь, подошел к центру, где раньше преклонялись небожители, а теперь лежали раненые воины. Взглянув на дворец Линсяо, он увидел перекошенные алые ворота, чей бронзовый декор был срублен.

Чжо Хуа был готов взвыть от досады. Мало того что затеяли бунт, так еще и проиграли. Проиграли — ладно, но могли бы предупредить заранее, чтобы он успел сбежать! Теперь же не спасется никто.

— Признаешь ли ты свою вину? — старший сын Небесного Императора, Фэн Лин, весь в крови, ступил на платформу правосудия.

— Какая на мне вина? Я лишь маленький питомец Цинмо, больше я ничего не знаю! — возмущенно воскликнул Чжо Хуа.

Фэн Лин взмахнул рукой, и Чжо Хуа тут же вздернули на столбе Казни Бессмертных.

— Ты, ты что творишь?! Я всего лишь демон-персик, если в меня ударит небесная молния, я же погибну! — запаниковал Чжо Хуа.

— Небесный Император, этот демон бесстыден и труслив. Раз уж он питомец предателя Цинмо, лучше уничтожить его немедленно! — выступил вперед старый чиновник.

Остальные боги смотрели на Чжо Хуа с отвращением.

— Старый развратник, Небесный Император еще слова не сказал, тебе ли встrevать? — огрызнулся Чжо Хуа. — Или ты забыл, как в прошлом месяце воровал персики в саду, когда вопил о морали и чести?

Старый чиновник посинел от ярости и ударил жезлом по полу:

— Ты... ты, ничтожный демон!

— Я ничтожный? — Чжо Хуа насмешливо улыбнулся. — Тот, кто начинает первым, и есть ничтожный.

Чиновник затрясся от гнева и закричал:

— Посмотрите на этот порочный вид! Наверняка предатель Цинмо взбунтовался именно из-за того, что был околдован этим существом!

Старый чиновник нервничал, и Чжо Хуа тоже.

— На кого ты валишь свои грехи?! Смотри, как бы ты, старый пенёк, до завтрашнего дня не дожил!

— Довольно, — Небесный Император прижал пальцы к вискам.

В зале воцарилась тишина. Он посмотрел на красные следы от цепей на запястьях Чжо Хуа и произнес:

— Поскольку он не был замешан в делах предателей, смертной казни можно избежать.

— Небесный Император! Этот демон... — начал было чиновник.

— Но наказания не избежать, — перебил его Император, глядя на грозовые тучи за окном. — Бог Войны Линьши, защищая порядок, был разбит предателем Цинмо, и его душа развеялась по миру людей. Ты отправишься в мир смертных и соберешь осколки души Бога Войны. Если соберешь все... — он коснулся лба Чжо Хуа, вливая золотой свет, — я сделаю исключение и дарую тебе титул верховного бога.

Чжо Хуа поднял взгляд и встретился с темным омутом в глазах Императора. В этом взгляде было нечто тяжелое, смешанное с эхом крови и огня, чего он не мог понять. Император взмахнул рукой, и цепи упали.

Чжо Хуа опустился на землю, но не успел устоять на ногах, как Император сложил пальцы в

заклинание. Холодный белый свет пронзил его макушку, и он почувствовал пугающую легкость. Глянув вниз, он увидел собственное тело, лежащее на полу, а сам, превратившись в полупрозрачный туман, медленно отделялся от оболочки.

Он с болью наблюдал, как его плоть забирают в яшмовый ларец, спрятанный в рукаве Императора. Это было тело, специально созданное Цинмо, — оно могло поглощать энергию мира без всяких тренировок!

Не успев оплакать потерю, он был перемещен к Пруду Перерождений. Это был путь, через который проходили боги, чтобы пережить испытания, запечатать память и силу. Чжо Хуа хотел было разыграть сцену с рыданиями, ведь Цинмо говорил, что никто не устоит перед его слезами, но, будучи бесплотным, он лишь нелепо покачивался.

— Я невиновен! За что?! Я не согласен!

— Небесная молния или прыжок в пруд — выбирай, — холодный голос Императора эхом отдавался в ушах. Чжо Хуа стиснул зубы.

— Пойдите, я же не знаком с Богом Войны, как я пойму, где его душа?

Император снова сложил печать, и перед Чжо Хуа возникла черепаха размером с ладонь.

— Это питомец Бога Войны Линьи. Он чувствует осколки души хозяина. Если они будут в радиусе ста ли, он укажет тебе путь.

Чжо Хуа разглядывал черепаху с нескрываемым отвращением. Мало силы, да еще и зеленая, как плесень. Сразу видно, что любили её не так сильно, как его.

Черепашка разозлилась:

— Я — питомец, а ты — маленький любимчик, ты хоть понимаешь разницу?

Она была настоящим питомцем, пусть и не могла стать контрактным зверем или верховым животным, но всё же была куда солиднее, чем какой-то декоративный цветок!

Император взмахнул рукой, и Чжо Хуа, не успев ответить, вместе с черепахой полетел в Пруд Перерождений. Вода булькнула, и всё стихло.

Чжо Хуа сидел в кафе в чужой стране, ковыряя серебряной вилкой пирожное. За соседним

столиком пожилая женщина отчитывала опаздывающего сына, голуби пролетали над зонтиками, а тени платанов дробились на дороге. Вдалеке зазвонили церковные колокола, а в голове зазвучало ворчание маленькой черепахи:

— Всё ешь, всё ешь! Хозяина до сих пор не нашли! Тебя отправили в эту дыру, так ты здесь тысячи лет будешь торчать и никогда не вернешься на небеса.

— Поиск людей — твоя работа. Мне-то что?

— Ты! Ты! Я всего лишь маленькая черепашка, зачем так со мной обращаться? У-у-у...

Чжо Хуа: ...Как же шумно.

Они ждали в этом мире долго, но осколки души Линьши так и не объявились, а из-за семейных интриг Чжо Хуа даже отправили за границу. Задание затягивалось. Нужно было не просто найти осколки, но и обеспечить безопасность воплощенной души, чтобы человек прожил жизнь до конца и умер счастливым — только тогда душа согласилась бы вернуться.

Кто знает, что пережили осколки Линьши в их отсутствие и чувствуют ли они себя счастливыми? Сам Чжо Хуа счастливым себя не считал. Став человеком, он сразу познал все тяготы учебы, и так уже двадцать лет! Раньше он только и делал, что развлекался, а Цинмо никогда не заставлял его учиться. А теперь — хочешь не хочешь, а учись. В итоге, из-за неопытности, он подорвал здоровье и десять лет назад был отправлен за границу.

Чжо Хуа даже не взглянул на черепаху, просто бросив:

— Отвали.

Черепаха взорвалась. Кроме Чжо Хуа, её никто не видел и не слышал. Когда он был двухлетним ребенком, его разговоры с черепахой принимали за бред, и его чуть не упекли в психушку.

— Сколько раз тебе говорить — общайся мысленно! Ты правда хочешь в психиатрическую больницу?

Чжо Хуа вздохнул. Он плохо знал язык и не мог общаться с иностранцами, поэтому молчал уже десять лет.

— Лучше уж в психушку.

— А-а-а! Если ты туда попадешь, как ты защитишь хозяина?!

— Ты что-то путаешь. Мы даже человека не нашли, а ты уже про защиту. Посмотри на меня внимательно: кто из нас двоих нуждается в защите?

Черепаша проворчала про себя, что с первого взгляда поняла: этот парень ненадежен. Всё, чего он достиг — это благодаря тому, что его хозяин кормил его небесными сокровищами.

— Маленькая Черепашка! Ты опять говоришь обо мне гадости?

Черепаша от испуга сделала круг в воздухе, замахала всеми четырьмя лапами, а её хвост скрутился в вопросительный знак.

— Почему ты не можешь дать мне нормальное имя?!

— Черепаша — она и есть черепаша. Ты такая крошечная, Маленькая Черепашка — самое то.

— Ты... ты...

— Что я? Будучи питомцем Бога Войны Линьи, ты даже имени не получил, а я по доброте душевной придумал тебе прозвище, не будь неблагодарной. Пф, черепашка, которую любили меньше, чем меня.

Это задело черепаху за живое. Она была лишь существом, которое Линьи держал в пруду от скуки, переворачивая на спину и наблюдая, как она барахтается. Вспоминать об этом было больно.

Маленькая Черепашка решила не спорить и повернулась к Чжо Хуа хвостом.

— Что теперь будем делать?

— Ничего не будем.

Несмотря на слова, Чжо Хуа послушно набрал номер человека, скрытого в его сердце. В тот момент, когда ответили, его глаза согнулись в дужки. На том конце долго молчали, и Чжо Хуа, облизнув губы, просто сказал:

— Я скучаю по тебе.

Звонок тут же сбросили.